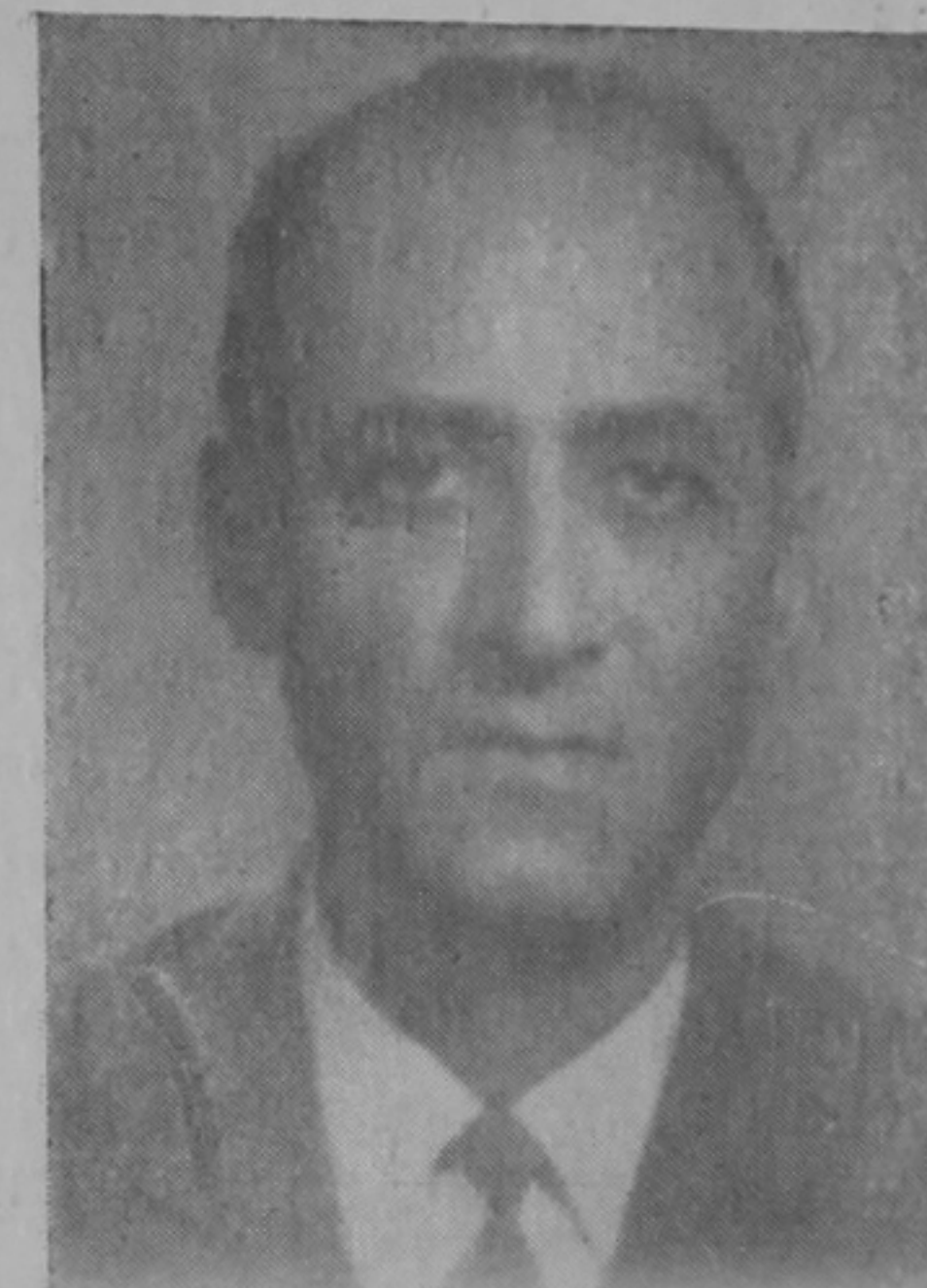

Сергей Даронян,

старший лейтенант запаса

ЗАМЕТКИ ВОЕНКОРА

1. «ПРОЧТИ И ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ»

Кто бывал на фронтах Великой Отечественной войны, тот, конечно же, помнит эту эмблему армейских газет — «Прочти и передай товарищу». Как эстафета, переходила газета от воина к воину. Она была нашей верной спутницей. Приносила вести о новых победах Советской Армии, воодушевляла на подвиги во имя освобождения Родины от фашизма.

В годы войны мне довелось быть военкором ряда красноармейских газет — «Кармир зинвор» («Красный воин») 89-й Таманской Краснознаменной стрелковой дивизии (эту газету ласково называли «наша дивизионка»), «Вперед за Родину!» (выходила и на армянском языке), «Знамя Родины», «За правое дело» и других. Сейчас, спустя четверть века, перелистываю пожелтевшие страницы армейских газет, перечитываю свои корреспонденции, очерки, заметки, зарисовки и просто информации о фронтовых буднях. И кажется, вновь встречаюсь с теми, о ком писал в суровые дни войны. Но, увы, как сказал поэт, «иных уж нет, а те далече»...

Под некоторыми материалами стоит безымянная подпись «Наш корр.». Для военкоров это были дорогие слова. Припоминаю раздумья военного журналиста Серегина — героя повести А. Гончарова «Наш корреспондент». «Ничего, — говорил он, — если в этой информации будет всего сорок строк. Ничего, если в верстке потребуются сокращения, и дежурный, быть может, вычеркнет фамилию, и под заметкой останется скромное, безымянное обозначение «Наш корр.». Это неважно. Важно, чтобы газета вышла с оперативной информацией».

В одной из таких «безымянных» заметок размером в тридцать пять строк описан подвиг бойцов старшего лейтенанта Петросова, их единоборство с большой группой фашистов, пытавшихся выйти из окружения и переправиться на противоположный берег Одера. Заметка называлась «14 против 67». Нужно было видеть, с какой нескрываемой радостью читали ее герои боя, и как товарищи гордились ими...

А вот небольшая заметка «Встреча ветеранов» — шестнадцать строк. Подпись та же — «Наш корр.». Как сейчас помню эту волнующую сцену. Красноармеец Давыдов и вновь прибывший в подделение старший лейтенант Подъячев подбежали друг к другу, крепко обнялись и расцеловались. Оказалось, что оба они — участники гражданской войны, вместе громили банды Махно, вместе штурмовали Перекоп. И война вновь свела старых ветеранов.

Читаю заголовки корреспонденций: «Маневр пулеметчика Элояна», «Три вылазки в стан врага», «Девушка — кавалер ордена Славы», «Схватка у дома», «Подвиг сержанта Абрамяна»... Их много, всех не перечислишь. А за ними стоят мужество и отвага, беспримерный героизм и самоотверженность советских воинов-патриотов.

Военкор был словно дозорным фронтовой газеты. Он первым откликался на события дня, торопился послать в редакцию «горячий» материал, и ему некогда было заниматься стилем (как, впрочем, и в самой редакции). Заметки писались буквально на ходу, карандашом, на клочке бумаги. От них и до сих пор отдает пламенем огня, запахом пороха. В шероховатых строках ощущаю немолкнувший еще пульс многотрудной фронтовой жизни...

2. «УЛОВКА НЕМЦЕВ НЕ УДАЛАСЬ»

Это — одна из наиболее ранних корреспонденций, опубликованных в газете «Вперед за Родину!» Тогда мы стояли в обороне под Керчью. В заметке говорится:

«Этот случай произошел ночью.

Противник решил застать нас врасплох. Ударная группа гитлеровцев подбиралась к нашим позициям с намерением внезапно атаковать и захватить рубеж. Но враг просчитался. Наблюдатели зорко следили за неприятелем, бдительно охраняли подступы к окопам. Своевременно предупрежденный командир подразделения офицер Погосян привел в боевую готовность все огневые средства.

Немцы, не встречая отпора, приближались все увереннее. Когда же до наших позиций осталось 150—100 метров, одновременно загремели выстрелы минометов, пулеметов, автоматов и винтовок. Враг попытался поддержать свою атаку огнем артиллерии, но прочные, хорошо оборудованные окопы сделали наших бойцов неуязвимыми. До конца боя подразделение не имело потерь.

Большую роль в отражении вражеской атаки сыграли ручные гранаты. Запас их бойцы израсходовали полностью. Но старший сержант Хныкин доставил гранаты из тыла. Под огнем противника он поднес ящики с гранатами и роздал их бойцам.

Атака стоила гитлеровцам больших потерь. Трупы немецких солдат и офицеров устлали подступы к нашим позициям».

3. «ДУСЯ»

Дивизия готовилась к решающим боям за Керчь. Как-то зашел к нам в часть сотрудник газеты Отдельной приморской армии «Вперед за Родину!» и попросил написать о наших отважных девушках-воинах — материал должен был идти в номер от 8 марта. Выбирать «объект» долго не пришлось: их было много, смелых боевых подруг. Об одной из них я и рассказал в небольшой зарисовке «Дуся»:

«Когда Дуся отправлялась добровольцем на фронт, она не представляла, что ее там ждет.

Ее встретили тяжелые боевые будни. Неловкими руками первые перевязывала она раненого, и у нее кружилась голова. Свист осколков заставлял вздрагивать и плашмя падать на землю.

Но постепенно она притерпелась.

— Сестра, помоги!.. — слышала Дуся слабеющий голос ране-

ного. Она ползла под огнем, чтобы спасти бойца. Она привыкла, не раздумывая, рисковать своей жизнью ради спасения жизни товарищей. Сама того не замечая, она становилась героиней.

...Шел бой. Военфельдшер Дуся Морковникова была вместе со стрелками. По наступающим строчили немецкие пулеметы и автоматы. На поле боя то здесь, то там мелькала юркая девушка с подстриженными по-мальчишески волосами. Дуся спешила к раненым.

Совсем недалеко от немцев, на открытой площадке упал раненый в живот красноармеец Манукян. Вражеские пули бороздили жидкую грязь вокруг бойца.

Дуся поползла по-пластунски. Она взяла его к себе на спину и перетащила в укрытие.

— Молодец, Дуся! Молодец, сестра! — говорили потом товарищи. — Мы думали, что ни Манукяну, ни тебе живыми не остаться..

Дуся спокойно выслушала похвалу. Она не видела ничего необычного в том, что сделала. Ведь точно так она спасла жизнь сороска восьми воинам.

Заслуженной наградой — орденом Красной Звезды — отметила Родина отважную девушку».

Заметка была опубликована в «женском» номере «Вперед за Родину!» за 1944 год. Все были довольны, кроме... самой Дуси. Скромная, застенчивая, она не терпела, когда ее как-то выделяли. Она делала свое патриотическое дело без шума. Где ты теперь, наша Дуся? Жива ли? Отзовись!..

4. ПИСЬМО С ФАШИСТСКОЙ КАТОРГИ

Таманскую дивизию по праву называли интернациональной. Помимо армян, составляющих ее костяк, в ней было немало русских, украинцев, белорусов и представителей других народов нашей многонациональной страны. Это была дружная боевая семья.

Берлин. Бранденбургские ворота (с довоенного снимка).

Помню, как переживала санинструктор Клавдия Лызенко, когда узнала, что освобожден ее родной городок на Украине. Она с нетерпением ждала писем из дому. И мы вместе с нею ждали. И вот письмо пришло. В нем мать Клавдии рассказывала о страшных днях оккупации. В том же конверте было и другое письмо: от сестры Клавы — Шуры, увезенной в Германию. Доставила его подруга, которой чудом удалось бежать.

Клава не дочитала письма: слезы застилали ей глаза. Я видел эти слезы, и мне захотелось, чтобы об этом узнали все наши бойцы. Измятый, прошедший долгий путь листок бумаги послал в редакцию «Вперед за Родину!», где оно и было напечатано 2 апреля 1944 года. И сейчас, перечитывая его, снова волнуюсь.

«Дорогие, родные! — писала Шура. — Не знаю, дойдет ли к вам это письмо, но если дойдет, то знайте о том, что ваша дочь страдает и мучается в немецкой неволе. Разбита моя жизнь. Я плачу горькими слезами, когда вспоминаю свою Украину, своего сыночка Валюшу. Два годика только прожил он на свете вместе с матерью...

Когда-то мы в школе читали о рабах и рабовладельцах. Теперь меня сделали рабыней. Нас держат за решеткой, как зверей, водят на работу под конвоем, кормят так, что мы чуть живы. Когда ночью нет близко надзирателей, собираемся мы, девчата, и поем тихонько песни о родной Украине и плачем.

Одно утешение: мы верим, что скоро придут наши и освободят нас. Как хочется дожить до этого счастливого дня!...

Этот подлинный документ не фигурировал на Нюрнбергском процессе, но он незримо присутствовал там, как тысячи подобных документов. Такое не забывается!

5. «КОЛЯ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ»

Ночью взят Севастополь. В честь этого салют. В воздухе — сотни ракет. Красивое зрелище. В газете «Кармир зинвор» напечатан очерк «Коля из Севастополя». Вот он:

«Случилось это в 1942 году, в самые тяжелые дни обороны Севастополя. Четырнадцатилетнего мальчика Колю мучила одна мысль: как уйти добровольцем в Красную Армию. Он знал, что если заговорит об этом, мать не пустит: «Куда тебе!» И Коля искал выхода.

Однажды мать пришла домой и не застала сына. Она заметила клочок бумаги на столе. Прочла: «Дорогая мама, прости, но больше я не могу сидеть дома. Я иду защищать Севастополь. Коля».

Колю не хотели принимать в роту.

— Мал еще! — говорили ему.

Но Коля со слезами на глазах упрямился командира оставить его в роте.

— Ладно, — сказал комроты. — Будешь при штабе.

...Шел сильный бой. В одном из домов укрепились три красноармейца. Они в упор стреляли из автоматов, изредка бросали гранаты. Боеприпасы были на исходе.

— Погибнем, но не сдадимся, — сказал старший из тройки, — Беречь патроны!

Фашисты все ближе подходили к дому. Вдруг до бойцов доносился детский голос:

— Держитесь, ребята! Я несу вам патроны!

Красноармейцы не поверили своим глазам: к ним полз мальчуган, за плечами которого был ранец, набитый патронами, а за поясом висели две связки гранат.

— Меня не пускали, — прерывисто дыша, сказал Коля. — Еле уговорил.

Бой продолжался...

Маленький эпизод, но сколько в нем смысла: война коснулась всех — и больших, и малых. Дети не по годам выглядели взрослыми и становились в строй вместе с отцами, братьями.

6. «ВСТРЕЧА»

После взятия Севастополя одна удивительная встреча послужила материалом для очерка, опубликованного в «Кармир зинворе» 17 мая 1944 года:

«Когда тяжело раненого лейтенанта Людвига Рафаеляна положили на операционный стол, хирург шепотом сказал:

— Надежды мало, но надо попробовать.

И он начал операцию. Вскоре полумертвый лейтенант застонал. Пульс постепенно стал учащаться.

После операции раненого положили в отдельную палату: ему нужен был полный покой. К нему приставили медсестру Наташу.

Она сидела у койки лейтенанта и читала книгу. Рафаелян спал. Вдруг он проснулся и впервые заговорил:

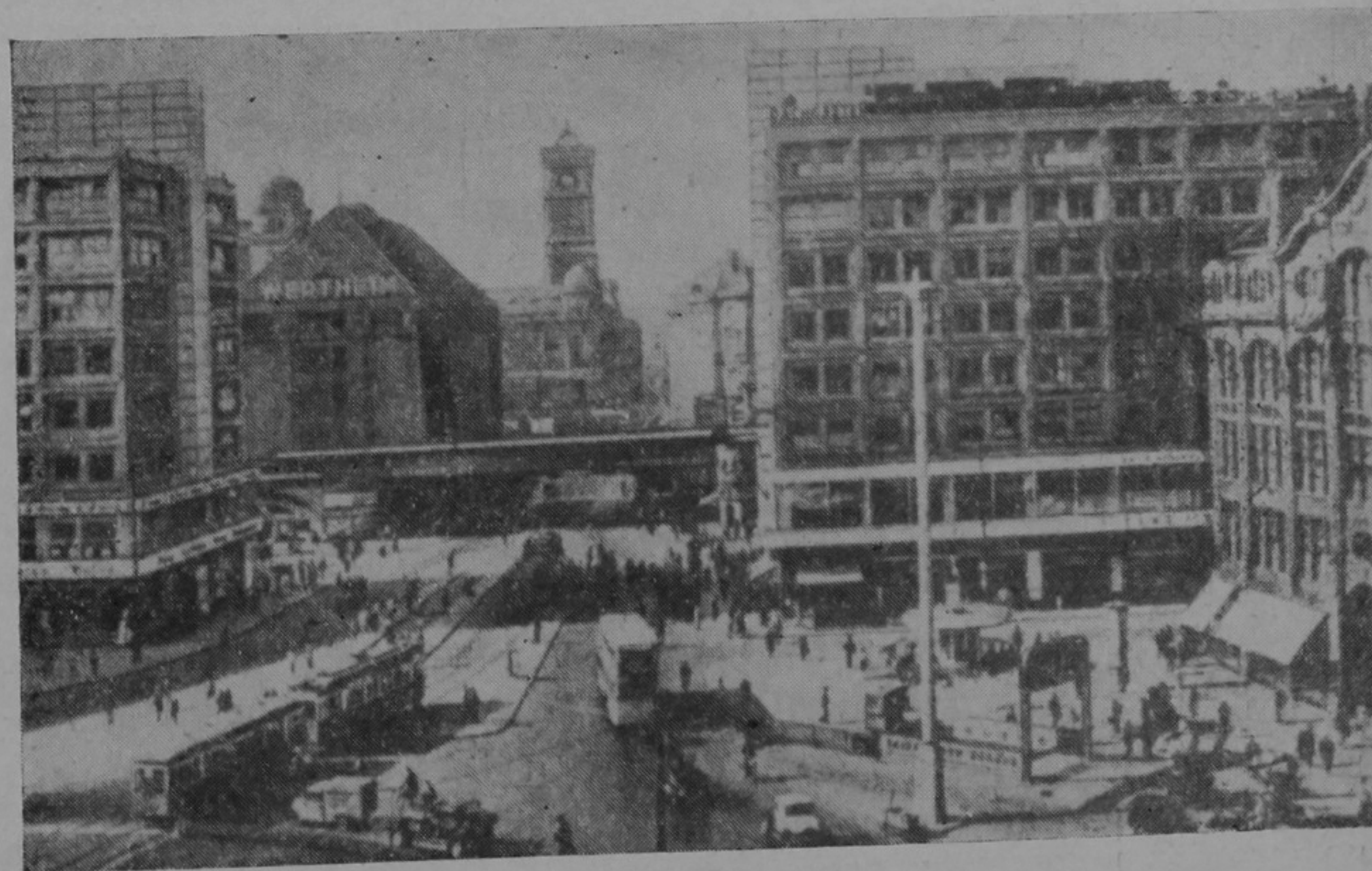
— Где я? — спросил Людвик, приподнимаясь. — Кто здесь?

— Вам нельзя говорить. Ложитесь, — сказала ласково Наташа. — Вы в полевом госпитале. А я медсестра.

...Раненый вспомнил последние часы ожесточенного боя... Они уже достигли Севастополя. Он шел впереди бойцов, крича:

— Вперед, за Севастополь!

Бойцы продвигались все ближе к вражеским позициям. Вдруг лейтенант почувствовал на лице и в груди страшную боль. Он упал и больше ничего не помнит...

Берлин. Александр Плац (с довоенного снимка).

Повернувшись забинтованной головой к Наташе, лейтенант спросил:

— Севастополь взят?

— Да, вчера, ночью...

Наступила тишина. Лейтенант о чем-то напряженно думал. Он вспомнил родных. Ему трудно было говорить, но, пересилив боль, заговорил:

— Ах, как бы я хотел сейчас узнать, где моя сестренка. Шесть лет, как я ее не видел. Тогда ей было одиннадцать. Недавно получил от нее письмо, пишет, что медсестрой служит.

Наташа отложила книгу и стала внимательно прислушиваться к тому, о чем рассказывал раненый с перевязанным лицом.

— А где вы жили до войны?— волнуясь, спросила Наташа.

— В Краснодаре.

— А как звали вашу сестру?— еще больше волнуясь, спросила она.

— Наташа.

Вдруг девушка вскочила:

— Брат. Это я, твоя сестра. Людвик! Неужели это не сон!..»

Скупые строки газетного фронтового очерка. Почти протокольная запись. Но она волновала воинов самим фактом.

7. ПОДВИГ АЙДИНА АРУТЮНЯНА

Как дорогую реликвию храню розовую листовку, текст которой был написан мною. Сначала это была обычная заметка, опубликованная в «Кармир зинворе». Затем ее перепечатали в виде листовки на армянском и русском языках и сбрасывали с самолета в подразделения нашей дивизии, когда мы были на подступах к Берлину. Посвящена она Герою Советского Союза Айдину Арутюняну, участнику севастопольского штурма. Вот ее текст:

«Старший сержант Арутюнян Айдин Арутюнович... Это имя с восхищением и гордостью произносят воины нашей части. О нем говорят в траншеях на передовой, вспоминая дни тяжелых и упорных боев за освобождение нашей родины от немецких захватчиков.

Что же сделал Айдин Арутюнян, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза?

Штурм Сапун-горы, укрепленной немцами по последнему слову техники, является знаменательным событием в жизни Айдина Арутюняна. Здесь, на подступах к вражеским укреплениям, парт-орг роты Арутюнян беседовал с бойцами, учил, как действовать в бою.

— Оборона у немцев крепкая, но мы, горные орлы, еще крепче,— говорил Арутюнян бойцам.— Не устоять немцу против нас!

В бою выбыл из строя командир взвода. Арутюнян возглавил взвод, повел его вперед на штурм вражеских укреплений. С тех пор он командует взводом.

На рассвете был назначен штурм второй линии обороны немцев на высоте «Горная». Эта высота была сильно укреплена противником. На ее скатах располагались в шахматном порядке многочисленные доты и дзоты.

Еще гремела мощная артподготовка, а Арутюнян был готов по сигналу вступить в бой и стремительно нанести удар по врагу. Бойцы Арутюняна первыми ворвались в траншею противника. Немцы не успели и опомниться, как были разгромлены. До двух десят-

ков гитлеровцев уничтожил взвод в рукопашной схватке, восемнадцать взял в плен. Преследуя врага, Арутюнян ворвался в село.

Вот итог боя, в котором прославился герой: 42 убитых немецких солдата и офицера, 78 пленных, захвачены боеприпасы, подводы, лошади.

И удерживая плацдарм на левом берегу реки Одер, Арутюнян беспощадно уничтожает фашистов. Пятнадцать раз ходили гитлеровцы в контратаку против позиций Арутюняна и каждый раз терпели поражение. В жарких и упорных боях Арутюнян и его бойцы показали непреодолимую железную стойкость, истребив десятки гитлеровцев. Они поклялись не уступать врагу ни пяди завоеванной земли.

Сын колхозника села Торос Гукасянского района Армении, до войны скромный учитель, Арутюнян стал воином-героем, прославившим свое имя в Отечественной войне...»

8. «ПОЭТ ВШТУНИ В ГОСТЯХ У ТАМАНЦЕВ»

Фронт и тыл... Эти понятия были нерасторжимы. Мы, воины, не ощущали оторванности от родных мест, от близких и родных. Письма, делегации тоже становились «боевым» материалом военкора.

Осенью 1943 года в Таманскую дивизию приехал поэт Азат Вштуни. Одетый в красноармейскую шинель, он беседовал с участниками боев за Новороссийск и Тамань. На многолюдном митинге в честь его приезда поэт прочел свое стихотворение «Командир». Тогда же в газете «Знамя Родины» появилась информация «Поэт Вштуни в гостях у таманцев».

После освобождения Крыма нашу дивизию посетили ленинканцы. «Делегаты Армении в гостях у приморцев»—так называлась заметка, опубликованная в газете «Вперед за Родину!» В ней приведено выступление делегата Сафаряна на митинге:

— Армянский народ,— сказал он,— воодушевлен вашими победами. Мы стремимся работать в тылу так же героически, как вы сражаетесь на фронте. Не покладая рук трудятся рабочие, колхозники, интеллигенция Ленинанкана. Итоги социалистического соревнования показали, что на первом месте стоят ленинканские текстилькомбинат и мясокомбинат. По передовым предприятиям равняются остальные. В Ленинанканском районе создан фонд помощи семьям фронтовиков. Наши героические воины могут быть спокойны за своих близких.

Труженики Артикского района поздравили своих земляков с освобождением Крыма. «Письмо земляков воинам-приморцам»—под таким заголовком была напечатана заметка в газете «Вперед за Родину!» летом 1944 года.

Из нашей части была отправлена в Армению делегация, в состав которой вошли лучшие воины-комсомольцы. Вот что рассказывали они по возвращении:

— Комсомольцы Армении,— сказал гвардии старший сержант А. Мкртчян,— воодушевленные подвигами воинов Красной Армии, показывают образцы героической работы. В первый день нашей

встречи комсомольцы завода имени Кирова в честь приморцев выполнили суточную программу на 300 процентов.

В Ереване, на митинге, посвященном приезду делегации, выступили студенты Диланян, Карагулян, Давтян и другие.

— Мы, комсомольцы Армении, — сказала студентка Беланян, — живем одной мыслью — всеми силами помочь Красной Армии. Студенты-комсомольцы нашего института сдали экзамены досрочно и теперь, в каникулы, работают на заводах города, помогая фронту.

Крепка, неразрывна была связь фронта с тылом! И в этом один из «секретов» нашей победы.

9. КОГДА НА ВРЕМЯ УМОЛКАЛИ ПУШКИ...

...Тогда войны писали письма родным, читали книги, смотрели кинофильмы. Это был наш фронтовой досуг. О нем тоже не забывали военкоры. Одна из таких заметок называлась «Фильм, зовущий к борьбе за Отчизну»:

«Наши бойцы и командиры с большим интересом просмотрели исторический фильм «Давид-Бек» — кинорассказ об освободительной борьбе армянского народа против иноземных захватчиков в начале восемнадцатого века.

Образ нашего героического предка Давид-Бека, одного из руководителей этой борьбы, близок и понятен воинам-армянам, сражающимся сейчас за жизнь и свободу великой советской Отчизны. Слова героя фильма о том, что пока в родной стране есть хоть один враг, нельзя вкладывать свои мечи в ножны, вызвали бурное одобрение фронтовиков.

Старший лейтенант Мироян, красноармеец Симонян и другие воины-армяне после просмотра фильма призывали своих товарищей множить в Великой Отечественной войне славные боевые традиции свободолюбивого армянского народа».

Назову еще несколько заметок на подобные темы: «Образ Зои зовет нас к мести!» (о кинофильме «Зоя»), «Молодежь обсуждает фильм «Жди меня» (помню, как мы долго спорили о нем), «Комсомольцы о книге «Непокоренные» Б. Горбатова», «Книги, зовущие в бой» (о «Земле в ярме» и «Радуге» Ванды Василевской) и другие.

Нет, музы не умолкали, хотя и гремели пушки...

10. ИЗ ФРОНТОВОГО ЮМОРА

И уж, конечно, не обходилось без юмора, шутки, смеха. Они скрашивали наши суровые будни. «Прямой наводкой» — так назывался отдел юмора и сатиры газеты «Вперед за Родину!» В номере от 13 августа 1944 года здесь была опубликована басня, написанная Алексеем Малиным по моему сюжету:

КВАРТЕТ

кандидатов на тот свет
(Почти по Крылову)

*Собрал осел немецкий свой квартет
И говорит, копытом землю роя:
— Мы изумили и поразили весь свет
Своей непревзойденною игрою.
Ну-с, начали симфонию «Блиц-криг»!*

...Тык-мык.

*Но с квартета градом льется пот,
А музыка на лад никак нейдет:
«За здравие» начнут,*

«За упокой» кончают...

*Осел дубинкой дирижерской потрясает,
Бранится и вопит, мотает головой,
А вновь начнут — опять «За упокой».
Осел кричит: — Я разгадал причину.
Поскольку фронт продвинулся к Берлину,
Мешать нам начинает канонада.
Нам в глубь Германии переселиться надо.*

И переносит ставку

В лесок на травку.

*Осел опять: — А ну-ка! Айн, цвай, драй...
А результат один — хоть уши затыкай.
Осла такое дело взволновало:*

*— А если нарядить мартишку генералом
И на козла надеть фельдмаршальский мундир?
Тогда, пожалуй, удивим мы мир!*

Под крики «Хайль, осел!» переоделись,

На новые места уселись.

— Теперь, — кричит осел, — пойдет иначе!

Но у квартета снова неудачи:

Какую только ноту ни возьмут,

Слышна лишь нота «ка»

(а попросту — «капут»).

Как вы, бандиты, ни трудитесь,

Как ни садитесь,

Придет пора — весь ваш квартет

Мы пересадим на тот свет.

11. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

11 сентября 1943 года. Немцы пока крепко держатся на своей «Голубой линии», которая для них скоро станет «Черной».

17 сентября. Вошли в станицу Неберджаевскую. Ни одного целого дома. Станица мертва, нет никого. Жутко. Дороги минированы. Идем медленно.

30 сентября. Тамань взята. Мы идем ночью по песчаным полям. Нас мучает жажда, вода соленая.

23 ноября. Добрались до Керченского пролива, откуда должны переправиться в Крым. Пристань обстреливается немецкой береговой артиллерией.

13 декабря. Немцы прочно укрепились в Керчи. Несколько раз наши атаковали их позиции. Приезжал маршал Тимошенко.

25 января 1944 года. Бои идут за гору Митридат. Со стороны Керчи видны пожары.

11 апреля. Немцы отступают. Входим в Керчь. Город сильно разрушен, жителей почти нет.

15 апреля. Пришли в Старый Крым. Нас встречают ликующие партизаны.

8 мая. Идут сильные бои у Сапун-горы за Севастополь.

20 мая. Бродил по освобожденному Севастополю. Видел памятник Тотлебену — герою севастопольской обороны (1854—55). Знаменитая Севастопольская панорама разбита.

12 сентября. Пересекли советско-польскую границу. Идем на Варшаву.

6 февраля 1945 года. Находимся в центральной германской провинции — Бранденбург. Вспоминаю стихи Демьяна Бедного:

*Славянский край, с седых времен
Немецким сдавленный напором,
Когда-то назывался он
Не Бранденбургом — Бранным Бором.*

15 февраля. Деревня Бальков, под Фюрстенбергом. Шел по улице и вдруг услышал органную музыку в церкви. Вошел в церковь. Кто-то из наших играл на органе. Величественная мелодия.

9 марта. Гете, умирая, говорил: «Света больше, света!» Но в Германии так и не было света...

12 марта. Вот уже несколько дней, как со стороны Франкфурта-на-Одере видно большое зарево пожара.

23 марта. Жаркий солнечный день. Невдалеке виден готический Франкфурт-на-Одере.

16 апреля. Говорил с немецким военнопленным Феликсом Кухом. Окончил Венский мединститут. Когда я спросил о Майданеке, о зверствах фашистов, он сказал, что ничего об этом не знал.

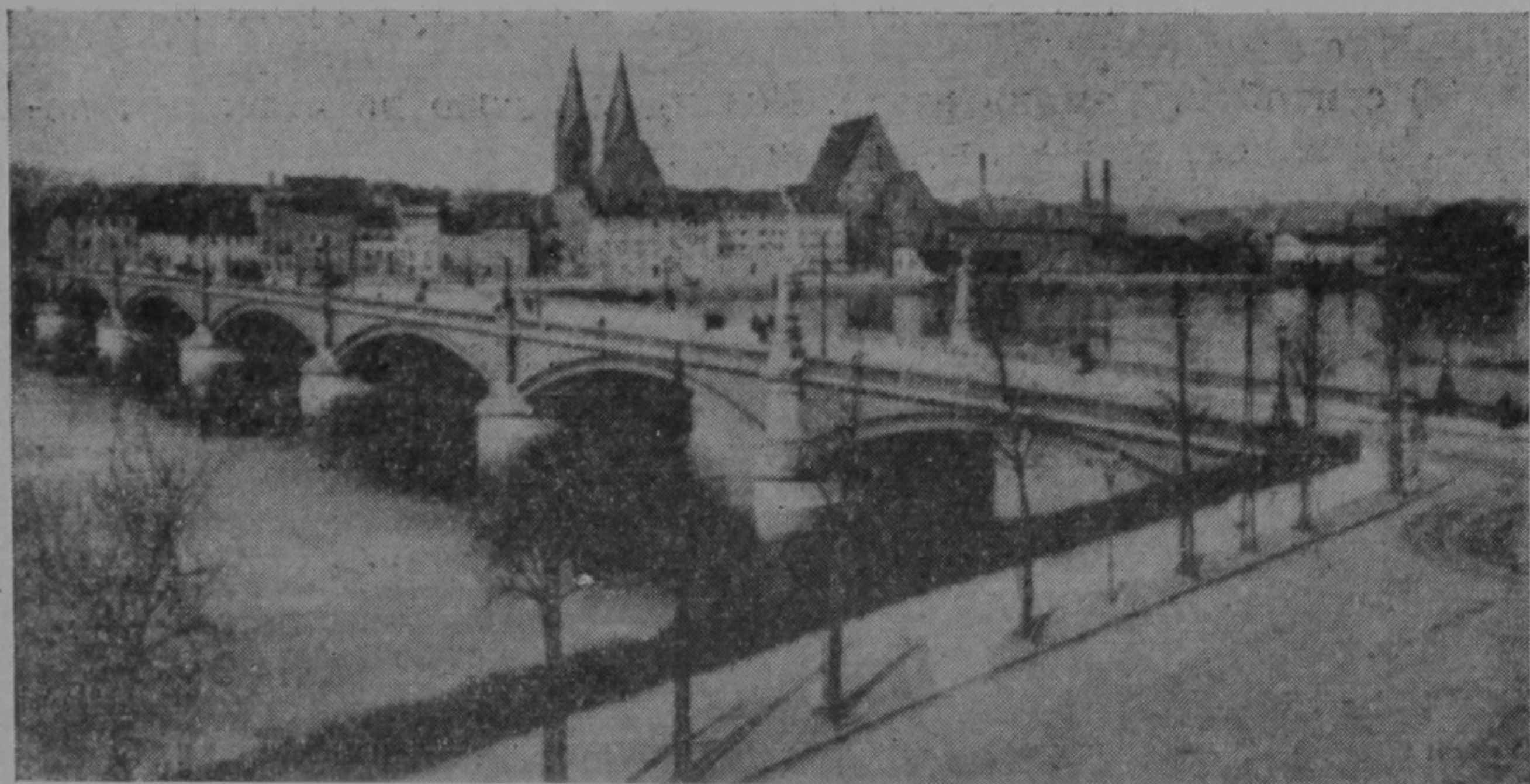
20 апреля. Враг ожесточенно сопротивляется. В деревне Лоссов наши освободили из плена 80 угнанных в Германию советских девушек.

23 апреля. Въехали во Франкфурт-на-Одере. Красивый город. Жителей почти нет: напугали, что советские войска будто бы всех убивают. Какая чушь!

26 апреля. Идем на Берлин. По дороге встречаются освобожденные из рабства мирные жители — поляки, русские, украинцы, белорусы, итальянцы, французы. У каждого — бант цвета своего национального флага.

29 апреля. Мы в Берлине! Идут уличные бои. Жители какие-то мрачные, бледные. В основном женщины. Они голодны. Просят поесть. И мы даем.

1 мая. Взят рейхстаг. Проезжая на машине по улицам Берлина, видел много разрушенных зданий. Какие здесь шли бои!

Франкфурт-на-Одере (с довоенного снимка).

2 мая. Берлин оживлен. Несмотря на дождливую погоду по улицам ходят тысячи жителей города.

8 мая. У деревни Грибо вышли к Эльбе. Не верится даже, что война подходит к концу.

9 мая. День Победы! Вчера подписан акт о полной капитуляции фашистской Германии. Наконец-то дождались этого дня!

23 июня. По дорогам Германии возвращаются в родные места немецкие граждане. Недавно мы встретили двух коммунистов, освобожденных из концлагеря. Они работали вместе с Эрнстом Тельманом и лично с ним были знакомы. Подтверждают, что Тельман не погиб при бомбежке, как об этом сообщала геббельсовская информация, а убит.

12 июля. Мы в городе Эркнер, в 27 километрах юго-восточнее Берлина.

19 августа. Ездил с товарищем в Берлин. Уже работает метро. Станции полутемные, пол цементный. Идем по Кеннигштрассе, где нет ни одного целого здания. Площадь Вильгельма. Огромный памятник ему (император на коне, вокруг львы). Подходим к Бранденбургским воротам. Вверху колесница. Минуем ворота. Река Шпрее пересекает город. Наконец, рейхстаг. Обломки. Глыбы. Стоят статуи рыцарей. Поднимаемся по лестнице. На самом верху два красных флага. К многочисленным надписям добавили свои. В кинотеатре «Аладин» смотрели наш фильм «Последний табор» (во куда забрались наши цыганы!). Город возрождается, встает из руин...

28 августа. Выезжаем на Родину...

Перечитывая скупые записи в блокноте, я словно вновь проделал весь путь от Кавказа до Берлина. Долот был он, прежде чем мы испытали безмерную радость дня Победы.

12. ЭПИЛОГ

Закончилась война. Все разъехались. Первый, с кем я встретился в Москве будучи студентом университета, Иван Трусов — редактор газеты «За правое дело». В Ереване часто вижусь с редактором «Кармир зинвора» Симоном Налбандяном (ныне он работает в журнале «Ленин угиов»). Недавно он заходил ко мне, и я ему подарил листовку об Айдине Арутюняне. Встречаюсь и с нашим фронтовым поэтом Аршалуйсом Сарояном. Когда вышел его первый сборник стихов на русском языке «Заря», я написал на него рецензию. Слежу внимательно за творчеством баснописца Алексея Малина, бывшего литсотрудника газеты «Вперед за Родину». Он сейчас председатель Крымского отделения Союза писателей Украины.

Но особенно приятно встречаться с героями моих заметок. Я поддерживаю дружеские связи с бывшими военными врачами Г. Саакяном и В. Азизяном. Это о них я писал в корреспонденциях «За жизнь воина», «Спасибо, доктор-джан!», «Профессор не ошибся» и других.

Прошло четверть века со дня Победы. Но живы в памяти героические, незабываемые дни.